

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ Г. МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР»**

**РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМ. ПАТРИСА ЛУМУМБЫ**

**СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИАТЕКСТ
И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ И
ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА**

**Сборник научных работ по итогам Международной научно-
практической конференции «Современный медиатекст и судебная
экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка»
(Москва, 12-13 октября 2023 г.)**

Москва 2023

УДК 81
ББК 81
Ф 94

Редакционная коллегия:

П. А. Катъшев, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И. В. Огорелков, кандидат филологических наук, ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр»

Рецензенты:

А. Н. Баранов, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. В. Барабаш, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Ф 94 Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка» (Москва, 12-13 октября 2023 г.). – Москва: ООО «СОЮЗКНИГ», 2023. – 400 с.

ISBN 978-5-6049239-4-8

Статьи посвящены исследованию актуальных вопросов лингвистической теории и экспертной практики в отношении вербальных правонарушений, совершаемых в медиасреде. Представлены работы об исследовании вопросов лингвистической семантики и дискурс-анализа медиатекстов в приложении к задачам лингвистической экспертизы, разработки и применения методов лингвистической диагностики и идентификации языковой личности, а также внедрения достижений компьютерной, когнитивной лингвистики и психолингвистики в судебно-экспертную практику.

УДК 81
ББК 81

© ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр», 2023

ISBN 978-5-6049239-4-8 ООО «София», ООО «Союзкниг»

КОНКРЕТНОСТЬ, ОБОСОБЛЕННОСТЬ И ДИСКРЕТНОСТЬ РЕЧЕВЫХ ОБЪЕКТОВ

Аннотация. Статья продолжает тему объектов судебной лингвистической экспертизы, и сейчас постулируются и подробно описываются два их важнейших свойства – конкретность и обособленность. Эти свойства обуславливают ряд ограничений и предписаний в экспертно-лингвистической практике и методической работе.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; речевые объекты; конкретность; обособленность; дискретность.

Оbjectы практической судебно-экспертной деятельности различаются для разных классов экспертиз – однако у всех них есть нечто общее: «В основном под объектом судебной экспертизы понимают материальный объект, содержащий информацию, необходимую для решения экспертной задачи» [5, с. 293]. Это в полной мере относится к классу судебного речеведения и к его основной части – лингвистической экспертизе.

Лицо, назначающее судебную лингвистическую экспертизу, обязано поставить вопросы на разрешение эксперта и передать на исследование речевые или поликодовые объекты (далее будем обобщенно называть их речевыми). Несомненно, что передача объектов – это действие, происходящее в материальном мире и обособленное в пространстве и времени (не безграничное и не бесконечное). Чтобы она не была фиктивной, передаваемые объекты тоже должны иметь некое материальное воплощение и быть обособленными в пространстве и времени – проще говоря, иметь начало и конец. Все это возможно постольку, поскольку нематериальная речь всегда передается на материальном носителе (носитель электронной информации – компакт-диск, флеш-накопитель, жесткий диск; бумажный носитель, деревянный, пластиковый и пр.). Материальный носитель придает множеству речевых объектов две характеристики: конкретность и дискретность.

Конкретный есть «реально существующий, предметно определенный», «четко обозначенный, вполне определенный (от лат. *concretus* – сгущенный, густой, уплотненный)» [10, т. 2, с. 89]. Конкретность противоположна абстрактности, беспредметности, обобщенности, умозрительности: так, например, лексема – понимаемая как «совокупность форм и значений, свойственных одному и тому же слову во всех его употреблениях и реализациях» [6, с. 257] – не является конкретной, это абстрактная

252 | собирательная категория. А лексико-семантический вариант (ЛСВ), несущий лишь одно значение, – является.

Дискретный – это «прерывистый, дробный, состоящий из отдельных частей» [10, т. 1, с. 402]. В математике дискретность «(от лат. *discretus* – разделенный, прерывистый) – прерывность; противопоставляется непрерывности. Например, дискретное изменение какой-либо величины во времени – это изменение, происходящее через определенные промежутки времени (скачками); система целых чисел (в противоположность системе действительных чисел) является дискретной» [8, с. 185]. Вспомним, что действительные числа – это все точки бесконечной числовой прямой, а целые числа – набор обособленных величин: $-2, -1, 0, 1, 2, 3, 4, 5$ и т. д. Если рассматривать дискурс – «речь, “погруженную в жизнь”», «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [6, с. 136–137], то мы не сможем определить, где находятся начальные и конечные фразы какого-либо дискурса: он непрерывен. В отличие от него любая совокупность произведений – литературных, музыкальных, кино- или видеопроизведений – это набор обособленных объектов, то есть прерывное, дискретное множество.

Интересно, что некоторые объекты – а именно только что упомянутые произведения, а также полиграфическая продукция, письма, устные диалоги, ограниченные речевыми актами приветствия и прощания, и т. п. – исходно обособлены и могут образовывать лишь дискретные группы, независимо от того, будут ли они подвергаться судебной экспертизе или не будут. Каждый из них обладает собственной имманентно присущей структурой, а признаки привносятся в него исключительно автором или говорящим. Другой же вид объектов, исходно-необособленные, приобретает отграниченность только при фиксации в оперативно-розыскных, следственных или судебных целях: так, во многих общественных местах – в аэропортах, на вокзалах, на станциях метро и пр. – безостановочно длится полилог, который нельзя зафиксировать полностью, это всегда будет некий его фрагмент, большинство параметров которого (структура, состав говорящих, даже тематика) либо случайно, либо обусловлено внешними факторами – особенностями записывающей аппаратуры и действиями человека, ведущего запись.

Проблематика конкретного-абстрактного и прерывного-непрерывного не нова для общей теории криминалистики, частных криминалистических теорий и общей теории судебной экспертизы. Если по первому вопросу у ученых-теоретиков достаточно рано сформировался широкий консенсус (с опорой на ту мысль, что у любого объекта есть либо материально-конкретное выражение, либо материально-конкретное отображение, – [9, с. 36–46], [1, с. 205–213], [5, с. 292–299] и др.) – то прерывность-непрерывность принесла больше неудобств, ведь с давних пор наряду с предметами и изделиями (обособленные объекты) криминалистической

практике были известны и материалы неопределенной протяженности, и жидкости, и сыпучие вещества (необособленные объекты), и по ним также необходимо было решать типичные идентификационные задачи, устанавливая, а главное, обосновывая индивидуально-конкретное тождество. Здесь настоятельная практическая потребность помогла выстроить теоретическое и логическое обоснование этих непростых задач. Так, в 1967 г. А. А. Эйсман писал: «Некоторая масса вещества, имеющая определенную “биографию”, например искусственно составленный из нескольких компонентов раствор или определенный объем жидкости, подвергавшийся различным естественным воздействиям, объективно столь же индивидуальна, как и любой предмет, если мы можем определенно указать границы этого объема или массы» [11, с. 31]. Что же касается массивов речи, то для них наличие твердого материального носителя гарантировало и гарантирует и конкретность, и обособленность.

Итак, каждый объект судебной лингвистической экспертизы обладает двумя важными свойствами:

- конкретностью, то есть материальной выраженностью, предметной определенностью;
- обособленностью в пространстве и времени (есть начало и конец), поэтому любая последовательность объектов дискретна, прерывна.

Из этого утверждения следует ряд выводов – и если само оно звучит для экспертов-практиков вполне тривиально, то его следствия будут неожиданными.

1. Объекты, лишенные конкретности и (или) обособленности, непригодны для экспертизы.

Такие объекты (например, любой дискурс) невозможно передать на исследование целиком – лишь в некоторой части. (Что уже не обеспечивает полноту судебно-экспертного исследования.) Из формальной логики известно, что умозаключение о некоем целом на основе изучения его части – это неполная индукция, а она не дает достоверного знания, только в той или иной степени приближенное к нему вероятное, то есть не обеспечивает строгой научной основы экспертизы. Степень же вероятности выводов просчитать невозможно, так как не хватает данных: для каждого такого объекта нужно знать, и какая именно часть передана на исследование, и как полученные для нее результаты могут коррелировать с результатами для целого. Поэтому выводы эксперта по таким объектам никогда не будут определенными и практически полезными. «Судебная экспертиза дискурса» – это бессмыслица.

К сожалению, имеющаяся судебно-экспертная терминология не обладает в этом отношении объяснительной силой и не дает возможности отличить пригодный объект от непригодного. В ГОСТ Р 70003-2022 «Судебная лингвистическая экспертиза» в качестве объекта указывается текст – «последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [4, с. 1]. Если это определенная последовательность, а не любая (по крайней мере в некоторой своей части),

254 | то такой объект может быть конкретным – однако второго его свойства определение не отражает: текст не обособлен, не имеет начала и конца. Еще одно распространенное именование объекта экспертизы – продукт речевой деятельности. Сама по себе речевая деятельность недискретна (дискретна только последовательность речевых актов, но в данном случае теория речевых актов за научную основу не берется) – поэтому продукты речевой деятельности либо не обособлены, либо же умозрительно (а значит, фиктивно) обособляются экспертом. Данные определения нуждаются в уточнении или замене.

2. Конкретность и обособленность объектов налагают методические ограничения, но также и предписывают определенные способы и пути исследования.

Во-первых, эксперту-лингвисту нельзя заимствовать из материнских наук в неизменном виде методы анализа, предназначенные для неконкретных и необособленных объектов. В языкознании объекты могут быть и абстрактными (например, уровни и единицы языка), и безграничными или имеющими лишь условные границы (например, различные аспекты глоттогенеза) – методы изучения таких объектов не предполагают криминалистической точности (см. выше о неполной индукции), поэтому перенесение их в экспертизу в неизменном виде нецелесообразно. (Такое же ограничение – по той же причине – касается любых методов психологии: заимствуя их, мы заимствуем и их неточность.)

Во-вторых, исходно-обособленные и исходно-необособленные речевые объекты следует изучать по-разному. Необходимо помнить, что в исходно-необособленную речь ряд структурных и содержательных признаков привносится внешним наблюдателем (оперуполномоченным, лицом, назначающим экспертизу, экспертом). Такие признаки могут не отражать реальных свойств объекта, поэтому на них нельзя опираться ни при экспертной диагностике или идентификации, ни при первоначальном описании исследуемого материала.

В-третьих, для анализа структуры (композиции) исходно-обособленных речевых объектов целесообразно использовать уже имеющуюся научную основу – категориальный аппарат литературоведческой науки. Лингвистическая семантика, которая мыслится экспертами как единая и единственная филологическая основа юрислингвистики (по поводу чего «в экспертном сообществе практически достигнуто согласие» [7, с. 7]), здесь не дает исследовательских возможностей.

В-четвертых, естественные границы исходно-обособленных объектов важнее, значимее, чем искусственные и часто случайные границы исходно-необособленных. Но и те и другие существуют в действительности и материально выражены: эксперт-лингвист не может сделать вид, что их нет, при решении вспомогательного вопроса о совместном исследовании речевых объектов. По замечанию Е. И. Галяшиной, «следует считать недопустимым в судебной лингвистической экспертизе объединение текстов разговоров или речевых продуктов в “сложный отдельный текст”, который выступает объектом экспертного исследования вместо индивиду-

ально-конкретного текста», ибо такой «виртуальный монтаж» ведет к «формированию виртуального контекста с приращением смыслов, являющихся плодом творческой деятельности самого эксперта» [2, с. 38]. Любые несколько речевых объектов могут иметь что-то общее в большей или меньшей степени – но никогда не всё.

3. Экспертные задачи по анализу неконкретного или необособленного объекта – это квазизадачи, задачи-фикции.

Подобный объект, как уже говорилось выше, невозможно передать куда-либо полностью, из рук в руки – в том числе и на экспертизу. А значит, заведомо невозможно обеспечить полноту судебно-экспертного исследования. Поэтому, в частности, задачи на экспликацию – «дать толкование значения и происхождения слов, словосочетаний, устойчивых фразеологических выражений (идиом); установить основное и дополнительное (коннотативное) значение единицы речи (устной или письменной)» [3, с. 220] – могут решаться и давать достоверные результаты, только если исследуемая единица находится в контексте какого-либо конкретного речевого объекта. Сама же такая единица не включает в себя контекст (он всегда вне ее) и не может быть единственным объектом экспертизы.

Анализ конкретного объекта как неконкретного, в отрыве от контекста (семантического и синтаксического) – это деконкретизация, ошибка, которая способна напрямую влиять на выводы эксперта. Так, слово «Герыч» скорее всего означает ‘героин’ (что дает положительный вывод эксперта по вопросу о наличии в речи высказываний о наркотиках) – но в некоторых контекстах может означать и имя Герман (ср. Димыч, Палыч): неучет конкретного контекста и замена ЛСВ на лексему здесь ведет эксперта к ложно-положительному выводу. Деконкретизация – это частный случай подмены объекта экспертизы.

Эксперт-лингвист всегда должен четко представлять, что именно и как именно он исследует. Свойства речевых объектов – конкретность и обособленность – необходимо учитывать как в повседневной экспертной практике, так и на методическом уровне.

Литература

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 480 с.
2. Галяшина Е. И. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р.С. Белкина) / Е. И. Галяшина // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 3. С. 33-39.
3. Галяшина Е. И. Судебное речеведение: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 320 с.
4. ГОСТ Р 70003-2022. Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения. М.: Российский институт стандартизации, 2022. 7 с.

5. Дьяконова О. Г. Теоретические основы судебной экспертологии: монография. М.: Проспект, 2022. 480 с.

6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

7. Мамаев Н.Ю. Проблема объективации понимания спорного текста в рамках судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 4. С. 6-18.

8. Математический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ю. В. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1988. 847 с.

9. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 736 с.

10. Словарь русского языка в 4 томах / Под ред. А. П. Евгеньевой (Малый академический словарь, МАС). М.: Русский язык, 1985-1988.

11. Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М.: Юридическая литература, 1967. 152 с.

Е. V. Novozhilova

CONCRETENESS, ISOLATION, AND DISCRETENESS OF SPEECH OBJECTS

Abstract. The article continues on the topic of speech objects (objects of forensic linguistics). Now two of their most important properties are postulated and disclosed in detail – concreteness and isolation (discreteness). These properties determine the number of restrictions and prescriptions of forensic linguistics practice and methodological work.

Keywords: forensic linguistics; speech objects; concreteness; isolation; discreteness.

Новожилова Е.В. КОНКРЕТНОСТЬ, ОБОСОБЛЕННОСТЬ И ДИСКРЕТНОСТЬ РЕЧЕВЫХ ОБЪЕКТОВ // Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка» (Москва, 12–13 октября 2023 г.). – Москва: ООО «СОЮЗКНИГ», 2023. С. 251–256.